

УДК 811.512.157

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-3-159-172

К вопросу о монгольских заимствованиях в якутской лексике (на материале названий пушных животных)

Н. В. Турантаева ✉, *Н. В. Малышева*

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ nv.turantaeva@s-vfu.ru

Аннотация. В статье проводится лингвистический анализ монголизмов в якутском языке на примере названий пушных животных. Актуальность исследования обусловлена необходимостью документирования и описания одной из малоизученных областей лексики якутского языка – монголизмов в наименованиях пушных зверей. Это исследование играет ключевую роль в сохранении уникального лексического наследия, отражающего исторические и культурные контакты между якутами и монголоязычными этносами. Целью исследования являются выявление и систематизация монголизмов в области наименований пушных животных, а также изучение их лингвокультурного значения в контексте якутского языка. Задачи включают анализ существующей научной литературы, сбор и классификацию лексических единиц, а также их этимологическое исследование. Анализ монгольских заимствований в названиях пушных животных позволит выявить особенности, помогающие понять эволюцию языковых взаимодействий и формирование современного языкового ландшафта Якутии. В работе используются методы семантического, этимологического и сравнительно-исторического анализов. Результаты исследования демонстрируют, что монгольские заимствования занимают важное место в лексике якутского языка. В ходе исследования выявлены специфические морфологические и фонетические изменения, происходившие в процессе адаптации монголизмов в якутском языке. Особое внимание уделяется анализу семантических изменений, включая сохранение исходных значений, использование эвфемизмов, метафорические переносы и семантическую адаптацию. Эти аспекты свидетельствуют о глубоком культурном и языковом взаимодействии якутов с монголоязычными этносами. Полученные данные способствуют расширению представлений о процессах лексических заимствований, а также углубляют понимание взаимодействия между языками различных этнических групп.

Ключевые слова: монголизмы в якутском языке, бурятизмы в якутском языке, монгольские заимствования, языковые контакты, этнолингвистические связи, историческая лексикология, лексические заимствования, семантическая адаптация, зоонимы в якутском языке, названия пушных животных.

Для цитирования: Турантаева Н. В., Малышева Н. В. К вопросу о монгольских заимствованиях в якутской лексике (на материале названий пушных животных). *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 3. С. 159–172. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-3-159-172

On the issue of Mongolic borrowings in Yakut vocabulary (based on the names of fur-bearing animals)

N. V. Turantaeva ✉, N. V. Malysheva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ nv.turantaeva@s-vfu.ru

Abstract. This article presents a linguistic analysis of Mongolic borrowings in the Yakut language, using the names of fur-bearing animals as a case study. The relevance of this research stems from the need to document and describe one of the less-studied areas of Yakut vocabulary – Mongolic borrowings in the names of fur-bearing animals. This study plays a crucial role in preserving the unique lexical heritage that reflects historical and cultural contacts between the Yakuts and Mongolic-speaking peoples. The aim of the work is to identify and systematise Mongolic borrowings in the domain of fur-bearing animal names and to explore their linguistic and cultural significance within the Yakut language. Tasks include reviewing existing scientific literature, collecting and classifying lexical items, and conducting etymological research. Analysing Mongolic borrowings in the names of fur-bearing animals will reveal features that help understand the evolution of linguistic interactions and the formation of the contemporary linguistic landscape of Yakutia. The article employs methods of semantic, etymological, and comparative-historical analysis. The results of the study demonstrate that Mongolic borrowings hold a significant place in Yakut vocabulary. The research identifies specific morphological and phonetic changes that occurred during the adaptation of Mongolic words into Yakut. Special attention is given to the analysis of semantic changes, including the preservation of original meanings, the use of euphemisms, metaphorical transfers, and semantic adaptation. These aspects reflect deep cultural and linguistic interactions between the Yakuts and Mongolic-speaking ethnic groups. The findings contribute to a broader understanding of lexical borrowing processes and deepen the comprehension of language interactions between different ethnic groups.

Keywords: Mongolic borrowings in the Yakut language, Buryatisms in the Yakut language, Mongolic borrowings, language contacts, ethnolinguistic connection, historical lexicology, lexical borrowings, semantic adaptation, zoonyms in the Yakut language, names of fur-bearing animals.

For citation: Turantaeva N. V., Malysheva N. V. On the issue of Mongolic borrowings in Yakut vocabulary (based on the names of fur-bearing animals). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 3. Pp. 159–172. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-3-159-172

Введение

Якутский язык представляет собой уникальное явление среди тюркских языков, что обусловлено его значительными отличиями в фонетике, морфологии и лексике. Эти особенности во многом объясняются интенсивными языковыми и культурными контактами, возникавшими в том числе в процессе миграции предков якутов из их прародины на современную территорию Якутии. Исследование происхождения и эволюции якутского языка связано с множеством гипотез и теорий, но по существу их можно свести к двум основным точкам зрения: 1) теории, считающие якутов исконно тюркским народом, а их язык первоначально тюркским, но впоследствии впитавшим чужеродные элементы; 2) теории, считающие якутов народом нетюркского происхождения [1], а язык их – тюркизированным относительно недавно [2].

Актуальность исследования происхождения якутского языка и его взаимодействия с другими родственными и неродственными языками в тюркологии сохраняется по сей день. Одной из центральных проблем дискуссий является степень влияния монгольских языков на якутский язык, чему и посвящено данное исследование. Целью исследования являются выявление и систематизация монголизмов в области наименований пушных животных, а также изучение их лингвокультурного значения в контексте якутского языка.

Гипотеза о южном происхождении якутов впервые появилась в конце XVII в. в записках И. Идеса. Это предположение стало отправной точкой для дальнейших исследований, направленных на понимание сложного процесса формирования якутского народа и его взаимодействия с родственными и неродственными этносами. В XVIII в. историк Сибири Г. Ф. Миллер продолжает развитие этой идеи, ссылаясь на предания якутов о том, что их предки некогда проживали вместе с монголами и бурятами, ныне известными им только по именам. Г. Ф. Миллер также отмечает, что якутский язык включает в себя значительное количество лексических заимствований из монгольских языков, а также слов, сходных с бурятскими [3]. Впоследствии исследования О. Н. Бетлингка в области сравнительно-исторической лингвистики подтверждают существование в якутском языке значительного пласта монгольской лексики и грамматических форм, что свидетельствует о длительных исторических контактах между якутами и монголами [4].

В. В. Радлов выдвинул гипотезу о нетюркском происхождении якутского языка, предполагая, что его развитие происходило через процесс монголизации и последующей тюркизации [5]. Однако данная гипотеза не получила широкой поддержки среди исследователей. Е. И. Убрятова, анализируя утверждения В. В. Радлова, приходит к выводу, что нетюркские элементы в якутском языке являются фрагментарными и не образуют самостоятельной системы, что указывает на тюркское происхождение языка [6]. Она предполагает, что якутский язык мог возникнуть в результате взаимодействия древнетюркского языка, близкого к орхонским памятникам, с другими тюркскими языками, а также под влиянием длительного двуязычия с монголоязычными этносами и тунгусскими народами [7].

Н. Н. Широбокова в своих исследованиях, основанных на сравнительно-сопоставительном анализе якутского с другими тюркскими и монгольскими языками, отмечает, что вопрос о времени и характере контактов якутов с монголами остается спорным [8]. Ученый предполагает, что источником монгольских элементов в якутском языке мог быть язык племени хори, представлявшего одно из ключевых племенных объединений монголо-бурят. Данные контакты, возможно, оказали значительное взаимовлияние на языки обоих народов, включая тюркскую интерпретацию некоторых родовых названий хори-бурят [8].

Лексико-семантические особенности монгольских заимствований в якутском языке представляют собой важный аспект исследований, направленных на изучение исторических контактов и этногенеза народа саха. Н. К. Антонов в своих работах уделил внимание ключевым заимствованным терминам, связанным с оседлым животноводством [9], топонимией [9] и названиями жилищ [10]. Н. К. Антонов стал первым исследователем, применившим сравнительно-исторический метод для анализа именных основ якутского языка, в том числе указав их монгольские параллели [11, 12]. Его выводы указывают на то, что первоначально территорию Якутии заселили и освоили монгольские племена, за которыми следовали тюркоязычные народы [11].

Значительный вклад в исследование якутско-монгольских языковых контактов внес С. Калужинский. В своем труде «*Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache*» [13] исследователь систематизировал более 2,5 тысяч лексических единиц, заимствованных в якутском языке из монгольских. В работе детально рассмотрены два ключевых аспекта: фонетические особенности заимствованных слов и морфологические элементы, адаптированные в якутский под влиянием монгольских языков [13]. Анализируя фонетические особенности монголизмов, С. Калужинский приходит к выводу о

значительном влиянии монгольского языка на якутский в XII–XIII и XV–XVI вв. Исследователь также выдвигает гипотезу, что монголизмы могли быть заимствованы в разное время из различных монгольских языков или происходят из неуставленного монгольского языка [13]. Кроме того, С. Калужинский утверждает, что основой якутского языка является древний тюркский язык, сформировавшийся как конгломерат различных тюркских диалектов, к которому впоследствии были добавлены монгольские и эвенкийские элементы [14].

Исследованием монголизмов в якутском языке, заимствованных после XIII века, занимался А. М. Щербак [15, 16]. А. М. Щербак подчеркнул значительное количество монголизмов в языках Сибири и Алтая, особо выделяя якутский язык. Он отмечает, что условия развития якутского языка в период миграции тюркских племен на северо-восток, в районы расселения эвенков, способствовали глубокому и интенсивному взаимодействию с монгольскими языками [15].

Исследование якутско-монгольских языковых контактов получило значительное развитие благодаря трудам В. И. Рассадина. В своих трудах «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» [17] и «Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности» [18] В. И. Рассадин детально анализирует монголизмы и бурятизмы в якутском языке. Ученый отмечает, что «подавляющая часть монголизмов в якутском языке сохраняет характерные особенности средневекового монгольского языка. В то же время эти слова представлены во всех монгольских языках и являются общемонгольскими. Их невозможно соотнести с каким-либо конкретным монгольским языком. Остается только общее расплывчатое определение, что они, без сомнения, попали в якутский язык еще в средние века» [19, с. 170]. Кроме того, В. И. Рассадин высказывает мнение, что наличие монголизмов в терминах сенокосения, стойлового содержания скота и их хозяйственного использования указывает на то, что монгольские племена, передавшие эти термины якутам, освоили местные условия задолго до переселения тюркских предков якутов в этот регион. Это предполагает, что тюрки-якуты заимствовали не только терминологию, но и соответствующие навыки, адаптированные к суровым природным условиям [17]. В то же время исследователь выдвигает гипотезу, что монгольское племя, ставшее частью якутского народа, могло быть самостоятельным и находиться в родственных отношениях с ойратами, протобурятами и другими монгольскими племенами. Он также предполагает, что это племя могло быть частью протобурят и сохранить элементы, общие с ойратским, ордосским и халханским языками, которые были утрачены в бурятском языке, но сохранились в якутском языке в виде заимствований [17].

Изучению монголизмов в якутском языке посвящены работы и современных якутских ученых. Вопросы исторического отношения якутского языка с древнетюркскими, другими тюркскими и монгольскими языками освещены в трудах Г. Г. Левина [20]. Ю. И. Васильев-Дьаргыстай в работе «Якутско-монгольские лексические параллели» выявляет лексические параллели между якутским и монгольскими языками [21]. Системное описание якутско-монгольских параллелей в диалектной лексике якутского языка представлено в работе А. Е. Шамаевой «Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка» [22]. Комплексное изучение якутской лексики живой природы, включающее этнолингвистические аспекты и затрагивающее этимологию и вопросы связи культуры народа саха с родственными и неродственными этносами, в том числе и с монголоязычными народами, проведено Н. В. Малышевой [2] и др.

Таким образом, вопрос о роли монголоязычных элементов в якутском языке является предметом внимательного изучения и обсуждения в научном сообществе на протяжении многих лет. Проблематика монгольских заимствований обладает важным историко-лингвистическим контекстом, который включает в себя сложные вопросы о формировании и генезисе якутского языка. Несмотря на обширные исследования и

накопленные данные, дискуссия о степени и характере влияния монгольского языка на якутский язык по-прежнему остается актуальной и вызывает разносторонние, порой противоречивые мнения среди ученых.

Этнолингвистический анализ монголизмов в названиях пушных животных в якутском языке

Зоонимическая лексика представляет собой один из древнейших и наиболее богатых слоев якутского языка, содержащих ценную информацию о происхождении и развитии языка народа саха. Анализ монгольских заимствований в наименованиях пушных зверей в якутском языке имеет ключевое значение для понимания исторических, культурных и языковых взаимодействий между якутами и монголоязычными этносами. Зоонимы, хранящие в себе семантическую информацию, могут раскрывать аспекты мировоззрения, природных знаний и охотничьих традиций носителей якутского языка. Исследование монголизмов в данной области позволяет проследить адаптацию заимствованной лексики в якутском языке, что, в свою очередь, способствует пониманию формирования мировоззренческих концепций под влиянием языков монголоязычных этносов. Более того, анализ монгольских заимствований в названиях пушных зверей может способствовать установлению временных рамок и глубины языковых и культурных контактов между монгольскими и якутскими народами, что позволяет формулировать более точные гипотезы относительно установления прародины якутов.

Материалом исследования выступают 13 названий пушных зверей в якутском языке. Выбор объекта исследования продиктован незначительной изученностью данной тематической группы слов в аспекте сравнительно-исторического изучения.

Росомаха

Выносливое животное, известное своей силой, агрессивностью и способностью выживать в суровых условиях арктической и субарктической тайги, представитель семейства куньих – росомаха в якутском языке называется *сиэгэн* ‘росомаха северная’ [23, с. 2185; 24, с. 470], диалектный вариант представлен лексемой *сэйгэн* (бод., сунт.) ‘росомаха’ [25, с. 172]. По всей вероятности, данный зооним восходит к монгольскому *jege-gen / jegegen, jegeken*, халх. *зээхэн*, калм. *зеекн*, бур. *зээгэн* (зоол.) ‘росомаха’ [26, с. 66], бур. *зээгэн* ‘росомаха’ [27, с. 425]. Монгольское заимствование названия росомахи в якутский язык также подтверждают В. И. Рассадин [17, с. 67] и Н. Н. Широбокова [8, с. 144]. Монгольский консонантный элемент /j/ в анлаутной позиции перешел в якутский /с/. Данный фонетический процесс можно отнести к адаптации монгольских аффрикат в якутский /с/ [2, 13, 18], что указывает на более позднее заимствование, связанное со взаимодействием с бурятским языком.

Смысловая характеристика заимствованного слова, обозначающего название росомахи, сохраняется в соответствии с монгольским прототипом. На примере якутского зоонима *сиэгэн* ‘росомаха северная’, предположительно, заимствованного из бурятского бур. *зээгэн* ‘росомаха’, наблюдается дифтонгизация долгого гласного /ээ/. Согласно С. Калужиньскому, «современным монгольским долгим гласным соответствуют в якутском языке дифтонги, но по крайней мере некоторые из них возникли из долгих гласных на якутской почве. Например, дифтонг /иэ/ в ряде случаев мог возникнуть только из долгого гласного /ээ/» [28, с. 11].

В Якутии росомаха обитает преимущественно в южных районах. Относительно многочисленна на Алданском и Олекмо-Чарском нагорьях, редка в Центральной и Северо-Западной Якутии. На северо-востоке Якутии наиболее обычна в редколесье Верхоянска, Абыя и Среднеколымска [29]. В основном ареал обитания росомахи охватывает тайгу, горные леса, тундру и лесотундру. Данный хищник предпочитает малонаселенные и труднодоступные места с густым лесным покровом, где она может находить себе пищу, в том числе падаль, а также охотиться на мелких и средних

Рис. 1. Южная часть Республики Саха [Якутия],
Бодайбинский район Иркутской области и Республика Бурятия
Fig. 1. South territory of the Republic of Sakha [Yakutia], Bodaybinskiy
district of Irkutsk oblast and the Republic of Buryatia

животных. Зимой она часто встречается на склонах гор и в долинах рек, где ей легче находить пищу.

Ареал обитания росомахи в Монголии и Бурятии весьма ограничен. В Монголии они обитают в северных и северо-восточных районах страны, в частности в горных регионах и лесистых областях. В Бурятии их можно встретить в северных и северо-восточных частях, где есть подходящие условия обитания, такие как тайга и высокогорья.

Диалектное название росомахи в якутском *сэйгэн* функционирует на территории Бодайбинского района Иркутской области и Сунтарского улуса Якутии [30, с. 172]. Бодайбо граничит с южной частью Якутии и северо-востоком Бурятии (рис. 1), в этой связи данная территория может выступать зоной языковых контактов монголоязычных этносов и древних якутов, что оправдывается территориальной близостью.

Песец

Якутское название песка *кырса* ‘песец’ [23, с. 1419; 31, с. 332; 32, с. 84; 33, с. 417] предположительно произошло от монг. *kirsa*¹ [←**qirsa*] ‘корсак; серая степная лисица’ [26, с. 129], халх. *хярс*, калм. *кирс* ‘корсак; серая степная лисица’ [26, с. 129]. В. И. Рассадин также относит данный зооним к монголизмам [17, с. 67].

Якутский зооним *кырса* ‘песец’ по своему фонетическому облику близок к монгольскому варианту зоонима *kirsa* ‘корсак; серая степная лисица’, однако мы замечаем, как монгольский звук /i/ в первом слоге зоонима адаптировался в якутский /ы/. Фонетический процесс данного типа С. Калужинский относит к периоду заимствований XIII–XV вв. По мнению ученого, к основным фонетическим изменениям того периода можно отнести «образование долгих гласных, так называемый перелом гласного /и/ первого слога, прогрессивная ассимиляция других гласных, изменения в произношении аффрикат /ч/ и /дж/ и некоторые другие явления» [28, с. 8]. Процесс перелома /и/ первого слога, по мнению С. Калужинского, совершился в течение XV в. Ученый подчеркивает, что «вполне естественно, что монгольскому /и/ соответствует в основах с задним вокализмом /ы/, а только в основах с передним вокализмом – /и/» [28, с. 10].

Рис. 2. Песец
Fig. 2. Arctic fox

С семантической точки зрения мы наблюдаем сдвиг первоначального значения зоонима. Этому могла способствовать смена природного окружения и изменение биоценоза. Серая степная лисица (корсак) в Монголии распространена повсеместно, кроме таежного Хэнтэя, лесистых и высокогорных районов Хангая и крайне пустынных районов Заалтайской Гоби. Ареал обитания корсака на территории Бурятии – Селенгинское среднегорье, южные и центральные районы республики. Ареал обитания песца в Якутии «охватывает всю тундровую зону, далеко за пределы которой он выходит во время зимних миграций» [29, с. 39]. Любопытно предположить, что при освоении северной территории предки якутов номинировали песца (рис. 2), ассоциировав его с серой степной лисицей (рис. 3), повсеместно обитающей на территории Бурятии и Монголии. Оба животных являются представителями вида хищных млекопитающих рода лисиц, они похожи друг на друга ростом и складом тела, если корсак имеет серовато-серебристый мех, то и у белого песца летом мех становится песочного или серого оттенка. Мордочки у этих животных короткие и немного заостренные, хвосты пышные, с густым мехом. В этой связи при номинации песца предки якутов могли быть мотивированы существенным сходством внешнего вида песца и серой степной лисицы (корсака).

Рис. 3. Серая степная лисица (корсак)
Fig. 3. Gray steppe fox (Korsak)

Рис. 4. Якутская рысь
Fig. 4. Yakutian lynx

Рысь

Якутская рысь представляет собой один из подвидов евразийской рыси, обитающей на территории северо-восточной Сибири, включая Республику Саха (Якутия). Этот подвид отличается адаптацией к суровым условиям арктической и субарктической зон, что накладывает отпечаток на его биологию, поведение и экосистемную роль.

В якутском литературном языке рысь называется *бэдэр* '1) рысь, животное *Felis lynx*' [34, с. 419-420], 'рысь' [32, с. 19]. Данный зооним, по всей вероятности, был заимствован от монг. *bider* [←**bedir*?] 'крапинки, пятна; полосы (у животных на теле)' [35, с. 87], халх. *бидэр*, бур. *бидэр* и (контаминация с **büde*-) *бүдэр* 'крапинки, пятна; полосы (у животных на теле)', калм. *бедр* 'орнамент' [35, с. 87–88]. Э. К. Пекарский сравнил якутскую лексему *бэдэр* 'рысь' с п.-монг. *бэдэр* 'крапинки, пятна, полосы у животных', т. е. считал монголизмом [36, с. 157]. В. И. Рассадин также относит зооним *бэдэр* 'рысь' к монголизмам [17, с. 67]. Монгольский звук /i/ первого слога лексемы *bider* в якутском зоониме *бэдэр* эволюционировал в /э/. Это может быть обусловлено тем, что данные звуки являются акустически близкими гласными переднего ряда.

Семантика монгольской лексемы *bider*, означающей 'крапинки, пятна; полосы (у животных на теле)', очевидно, указывает на номинацию по мотивационному признаку «окрас животного / масть животного». Монголизм точно описывает окрас меха якутской рыси (рис. 4), который варьируется от светло-серого до желтовато-коричневого с темными крапинками и обеспечивает эффективную маскировку в зимних условиях, особенно на фоне снега и лесного подлеска. Таким образом, данный пример демонстрирует адаптацию монгольских заимствований в лексике якутского языка, отражая культурные и природные реалии, важные для выживания в условиях Севера.

Диалектной вариацией названия рыси в якутском языке является лексема як. *сэйгэн* 'рысь' [25, с. 172] от монг. *jege-gen* / *jegegen*, *jegeken*; халх. *зээхэн*, калм. *зеекн*, бур. *зээгэн* 'росомаха' [26, с. 66], бур. *зээгэн* 'росомаха' [27, с. 425]. В данном случае очевидна значительная разница в семантике монгольского и якутского зоонимов. Диалектная

вариация зоонима *сэйгэн* ‘рысь’ является эвфемизмом, указывающим на хищническую природу рыси, как у росомахи. Иносказание и применение оберегающих слов в якутском языке всегда были популярны, в первую очередь среди охотников. Использование эвфемизмов в названиях рыси в якутской культуре связано с суевериями, уважением к природе и опасениями перед этим животным с острым зрением и скрытным образом жизни.

Волк

Волк занимает особое место в культуре северных народов. Этот зверь является одним из ярких представителей крупных хищников, к которым якуты издревле относились с большим уважением. По этой причине в якутском языке часто используются эвфемизмы вместо прямого упоминания волка. Например, в Абыйском районе Якутии, говор которого входит в северо-восточную диалектную зону, зафиксирован эвфемизм *сиэгэн* (абый.) ‘волк’ [30, с. 209], восходит к монг. *jege-gen / jegegen, jegeken*; халх. *зээхэн*, калм. *зеекн*, бур. *зээгэн* (зоол.) ‘росомаха’ [26, с. 66]; *зээгэн* (зоол.) ‘росомаха’ [27, с. 425]. В данном случае также наблюдается семантическое изменение исходного монгольского значения, отражающее почтительное отношение к опасному хищнику и демонстрирующее уважение к его силе и хитрости.

Бурундук

В якутский язык из монгольского заимствовано и название такого грызуна, как бурундук – центральная диалектная зона: як. диал. *дьирики* (амг, ордж., усть-алд.) ‘бурундук’ [30, с. 97; 33, с. 411; 17, с. 67]; олекмо-вилюйская диалектная зона: як. диал. *дьирики* (вил., сунт.) ‘бурундук’ [30, с. 97; 33, с. 411; 17, с. 67]; северо-восточная диалектная зона: як. диал. *дьирики* (абый., верхоян., верх. колым.) ‘бурундук’ [30, с. 97; 33, с. 411; 17, с. 67]; як. диал. *дьирикки* (верхоян., среднеколым., сакк.) ‘бурундук’ [30, с. 97; 32, с. 73; 36, с. 173]; северо-западная диалектная зона: як. диал. *дьирики* (бул., жиг.) ‘бурундук’ [30, с. 97; 33, с. 411; 17, с. 67].

Предположительно диалектное название бурундука могло произойти от монг. *jirke*¹ [←**jirike*?] ‘бурундук’ [26, с. 79], халх. *жирх*, бур. *жэрхи* (зоол.) ‘бурундук’ [26, с. 79]; бур. *жэрхи* ‘бурундук’ [27, с. 365]; як. *дьирики* ‘бурундук’. *Заимствовано из монг. языков [36, с. 173]. Как видно из примеров, монгольский анлаутный звук /j/ сохраняется в якутском зоониме в виде /дь/. Сохранение древнемонгольской аффрикаты /j/ в начале слова Н. Н. Широбокова относит ко второй волне монголизмов, датируемых до XIII–XIV вв. К этому периоду относится также и такая фонетическая особенность, как сохранение гласного /i/ первого слога [8, с. 146].

Сурок

Зооним, обозначающий наименование сурка як. *таарбаҕан* ‘сурок’ [17, с. 67], также является монголизмом. Нами зафиксированы также диалектные вариации зоонима: як. диал. *тарбаҕан* ‘сурок’ [13, с. 26], як. диал. *тармаҕан* ‘сурок’ [17, с. 67], которые, по всей вероятности, могли произойти от монг. *tarbaγan* [**tarba-γan*]; халх. *тарвага(н)*; бур. *тарбаган*, калм. *тарвһн*, даг. *тарбаг (тарбуг)*, *тарбаган* ‘степной сурок’ [37, с. 154]; бур. *тарбаган* ‘степной сурок’ [27, с. 229].

В якутском языке зооним *таарбаҕан* ‘сурок’ уже давно рассматривается в качестве заимствованного слова из монгольского языка [4, с. 543; 23, с. 2570; 17, с. 67; 13, с. 26]. Данная лексема устойчиво функционирует во всех диалектных зонах и, естественно, проникла в якутский литературный язык, практически не имея диалектных вариантов [38, с. 233].

Суслик

Название суслика в якутском языке представлено в двух вариациях: як. *дьабара* ‘суслик’ [17, с. 67; 36, с. 169]; як. *дьэбэрэ* ‘суслик’ [17, с. 67], которые восходят к монг. *jimburaṇ* [←**jim-bu-ran*]; бур. *зумбара*, *зумбараан* – *juraman* [←**jimburaṇ*]; халх. *зурам*, калм. *зурмн* ‘суслик’; орд. *джурма* ‘полевая крыса’ [26, с. 91-92]; бур. *зумара* (зап.) ‘суслик’, бур. *зумари* (зап.) ‘суслик’, бур. *зумбараа*, *зумбараан* ‘суслик, евражка’ [27, с. 408]; як. *дьабара*

П 'суслик'. *Заимствовано из монг. языков [36, с. 169]; **jumuran* 'suslik (ground squirrel) (суслик (земляная белка)' [39, с. 394]. В данном случае также наблюдается сохранение анлаутного монгольского /j/ в виде /дь/ в якутском зоониме.

Заключение

Итак, в настоящей статье рассмотрено 13 лексических единиц, обозначающих названия пушных животных в якутском языке, которые, по всей вероятности, являются заимствованными из монгольских языков.

Как показывает этнолингвистический анализ, 31% монголизмов закрепились в якутском языке в качестве литературных зоонимов, в то время как 69% используются в диалектных формах названий пушных животных. Примеры монгольских заимствований, связанных с названиями пушных зверей, можно обнаружить в центральной, северо-восточной, северо-западной и олекмо-вилюйской диалектных зонах. Например, диалектное название росوماхи *сэйгэн* функционирует на территории Сунтарского улуса Якутии и Бодайбинского района Иркутской области, который граничит с северо-востоком Бурятии и выступает зоной интенсивных языковых контактов между якутами и монголоязычными этносами, в частности, бурятами.

Большинство монголизмов сохраняют свои первоначальные семантические характеристики, что составляет 69%: як. *сиэгэн* 'росомаха северная' < монг. *jege-gen* / *jegegen*, *jegeken* 'росомаха', халх. *зээхэн* 'росомаха', калм. *зеекн* 'росомаха', бур. *зээгэн* (зоол.) 'росомаха'; як. диал. *дьирики* 'бурундук' < п. монг. *jirke* 'бурундук', халх. *жирх* 'бурундук', бур. *жэрхи* 'бурундук'; як. *таарбаҕан* 'сурок' < монг. *tarbayan* 'степной сурок', халх. *тарвага(н)* 'степной сурок', бур. *тарбаган* 'степной сурок', калм. *тарвһн* 'степной сурок', даг. *тарбаг* (*тарбуг*), *тарбаган* 'степной сурок'. Сохранение монгольских значений зоонимов указывает на прочную интеграцию этих лексем в язык-реципиент. Данный факт может свидетельствовать о культурной близости и тесных контактах между носителями якутского и монгольского языков, способствовавших сохранению значений заимствованных слов.<

15% монголизмов функционируют в якутском языке в качестве эвфемизмов: як. диал. *сэйгэн* 'рысь < монг. *jege-gen* / *jegegen*, *jegeken* 'росомаха', халх. *зээхэн* 'росомаха', калм. *зеекн* 'росомаха', бур. *зээгэн* (зоол.) 'росомаха'; як. диал. *сиэгэн* 'волк' < п. монг. *jege-gen* / *jegegen*, *jegeken* 'росомаха', халх. *зээхэн* 'росомаха', калм. *зеекн* 'росомаха', бур. *зээгэн* (зоол.) 'росомаха'. Эвфемизмы в якутском представляют собой уникальный пласт языковой культуры, отражающий традиционные представления якутов о мире. Многие из них связаны с названиями животных, в частности хищников, чьи оригинальные наименования считаются опасными или нежелательными для произнесения. Например, для обозначения волка (як. *сиэгэн*) или рыси (як. *сэйгэн*) в некоторых диалектах используются зоонимы, означающие названия других животных, например, росوماху (як. *сиэгэн*, *сэйгэн*). Прием использования эвфемизмов связан прежде всего с мифологическими представлениями народа саха, одухотворением окружающей среды, с верой в сверхъестественные силы природы.

В 8% зоонимов, заимствованных из монгольских языков, обнаруживаются явления метафорического переноса значений, основанные на внешнем сходстве животных: *кырса* 'песец' < монг. *kirsa* 'корсак; серая степная лисица', халх. *хярс*, калм. *кирс* 'корсак; серая степная лисица'. Это явление свидетельствует о том, что процесс языкового контакта сопровождается не только прямым заимствованием лексических единиц, но и интеграцией лексики в новый языковой контекст через метафорические ассоциации. Основным аспектом, способствовавшим семантическому сдвигу, могло быть изменение биоценоза. В процессе миграции предков якутов на север, контакт с новым зоологическим видом — песцом, обитающим в тундровой зоне Якутии, вероятно, вызвал феномен семантической адаптации. Несмотря на различия в экологических нишах, у песка наблюдается

морфологическое сходство с серой степной лисицей (корсаком), распространенной в степных зонах Монголии и Бурятии. Итак, обнаруживаем смену территории со степной зоны на тундровую. Внешнее сходство животных могло способствовать номинации по метафорическому переносу, при котором песец ассоциирован с существующей лексической единицей, обозначающей корсака. Метафорический перенос позволяет заимствованным словам приобретать новые семантические оттенки и адаптироваться к культурным и лексическим особенностям языка-реципиента, что подчеркивает динамичность и гибкость языковых заимствований.

Происхождение 8% наименований пушных животных основывается на мотивационном признаке «окрас животного / масть животного», где монгольская лексема, обозначающая специфическую окраску животного, используется в якутском языке для номинации животных с аналогичным окрасом: як. *бэдэр* 'рысь' < монг. *bider* 'крапинки, пятна; полосы (у животных на теле)', халх. *бидэр* 'крапинки, пятна; полосы (у животных на теле)', бур. *бидэр* и *бүдэр* 'крапинки, пятна; полосы (у животных на теле)', калм. *бедр* 'орнамент'. В этом случае заимствованная лексема сохраняет свою исходную семантику, связанную с окраской, но адаптируется к новым объектам в якутском языке. Это демонстрирует, как семантические особенности монголизмов могут влиять на их использование и понимание в контексте якутского языка.

Таким образом, анализ показывает, что заимствованные из монгольских языков лексические единицы, обозначающие пушных животных, в якутском языке проявляют разнообразные семантические трансформации, в том числе сохранение исходных значений, использование в качестве эвфемизмов, метафорические переносы и семантическую адаптацию, что свидетельствует о глубоких культурных и языковых контактах якутов с монголоязычными этносами.

Л и т е р а т у р а

1. Харитонов, Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов. – Якутск : Книгоиздат, 1947. – 312 с.
2. Малышева, Н. В. Происхождение лексики живой природы : ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты) : дисс. ... д. филол. н. / Малышева Нинель Васильевна. – Москва, 2024. – 503 с.
3. Миллер, Г. Ф. История Сибири. Том. 1 / Г. Ф. Миллер. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937. – 607 с.
4. Бетлингк, О. Н. О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадина. – Новосибирск : Наука, 1989. – 646 с.
5. Радлов, В. В. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkssprachen* / von Dr. W. Radloff. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1908. – 86 с.
6. Убрятова, Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским / Е. И. Убрятова. – Москва : Изд-во вост. лит., 1960. – 13 с.
7. Убрятова, Е. И. Исследования по тюркским языкам. Избранные труды / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2011. – 282 с.
8. Широбокова, Н. Н. О якутско-монгольских контактах / Н. Н. Широбокова // Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 140–148.
9. Антонов, Н. К. О некоторых якутских именных основах монгольского происхождения / Н. К. Антонов // Труды историко-филологического факультета (Якутский государственный университет). – 1966. – Вып. I. – С. 207–214.
10. Антонов, Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка / Н. К. Антонов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1971. – 174 с.
11. Антонов, Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка / Н. К. Антонов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1971. – 174 с.
12. Антонов, Н. К. О соответствиях начальных й//с в якутских и тюркских именных основах / Н. К. Антонов // Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Вып. 4 (9). – Якутск : Кн. изд-во, 1973. – С. 40–47.

13. Калужинский, С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке / С. Калужинский // Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Вып. 3 (8). – Якутск : Кн. изд-во, 1961. – С. 5–21.
14. Калужинский, С. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (IV) / С. Калужинский // Rocznik orientalistyczny. – Т. XLI, Z. 1. – 1979. – С. 81–93.
15. Щербак, А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.) / А. М. Щербак. – Санкт-Петербург : Изд-во ИЛИ РАН, 1997. – 292 с.
16. Щербак, А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / А. М. Щербак. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 195 с.
17. Рассадин, В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / В. И. Рассадин. – Москва : Наука, 1980. – 115 с.
18. Рассадин, В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / В. И. Рассадин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 608 с.
19. Рассадин, В. И. Бурятизмы в якутском языке / В. И. Рассадин // О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов» : материалы конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов». – Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1973. – С. 167–179.
20. Левин, Г. Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г. Г. Левин. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 436 с.
21. Якутско-монгольские лексические параллели : словарь / [составитель Ю. И. Васильев-Дьаргыстай; автор предисловия Ц.-Н. Жамбалсурэн]. – Якутск : Дани Алмас, 2007. – 37 с.
22. Шамаева, А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка : дисс. ... к. филол. н. / Шамаева Анастасия Егоровна. – Якутск, 2012. – 270 с.
23. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : в 3 томах. Т. 2 : К–С / Э. К. Пекарский. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – 2010 стб.
24. Большой толковый словарь якутского языка : в 15 томах. Т. 2 : Б / Е. И. Оконешников, Л. А. Афанасьев-Тэрис, П. С. Афанасьев. – Новосибирск : Наука, 2005. – 910 с.
25. Диалектологический словарь языка саха = Саха тыллы тылын тылдьыта : доп. том : содержит около 5000 слов / составители М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск : Наука, 1995. – 294 с.
26. Этимологический словарь монгольских языков : в 3 томах. Т. 2 : G–P / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. – Москва : ИВ РАН, 2016. – 232 с.
27. Бурятско-русский словарь : в 2 томах. Т. 1 : А–Н / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ : Респ. тип., 2006. – 635 с.
28. Калужинский, С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке / С. Калужинский // Труды института языка, литературы и истории = Тыл, литература уонна история институтун үлэлэрэ. Вып. 3 [8]. / Акад. наук СССР, Сиб. отд., Якут. фил. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1959. – 1961. – 128 с.
29. Соломонов, Н. Г. Животный мир Якутии : [птицы и млекопитающие] / Н. Г. Соломонов / под научной редакцией В. Н. Винокурова. – Якутск : Книжное изд-во, 1975. – 181 с. : ил.
30. Диалектологический словарь якутского языка : содержит свыше 8500 слов / составители П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – Москва : Наука, 1976. – 392 с.
31. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. 5: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 616 с.
32. Hauenschild I. Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen. Turcologica. Wiesbaden: Harrassowitz, 2008;77:188. (на нем. яз.)
33. Кулаковский, А. Е. Научные труды = Научнай үлэлэр / А. Е. Кулаковский // Акад. наук СССР, Сиб. отд., Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1979. – 483 с.
34. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : в 3 томах. Т. 1 : А–К / Э. К. Пекарский. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – 1200 стб.

35. Этимологический словарь монгольских языков : в 3 томах. Т. 1 : А–Е / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. – Москва : ИВ РАН, 2015. – 224 с.
36. Попов, Г. В. Этимологический словарь якутского языка : в 3 частях / Г. В. Попов ; Ин-т гуманитар. исслед. – Новосибирск : Наука, 200. (издана ч. 1, 244 с.).
37. Этимологический словарь монгольских языков : в 3 томах. Т. 3 : Q–Z / под редакцией Г. Д. Санжеева, редакторы-составители Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман ; Институт востоковедения РАН. – Москва : ИВ РАН, 2018. – 240 с.
38. Иванов, С. А. Лексические особенности говоров якутского языка / С. А. Иванов. – Новосибирск : Наука, 2017. – 392 с.
39. Nugteren H. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Netherlands: LOT, 2011:563.

References

1. Kharitonov LN. Modern Yakut language. Phonetics and morphology, Yakutsk: Knigoizdat, 1947:312.
2. Malysheva NV. (2024) “Origin of the lexicon of living nature: onomasiology and etymology (Yakut language and its dialects)”, D. Sc. Thesis, 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics, 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
3. Miller GF. History of Siberia. Moscow, Leningrad: AN SSSR, 1937;1.
4. Betlingk ON. About the Yakut language. Transl. by Rassadin VI, Novosibirsk: Nauka, 1989.
5. Radloff VV. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen [The Yakut language in its relationship to the Turkic languages], Trans. by Radloff V. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. Nauk, 1908.
6. Ubriatova EI. Yakut language in its relation to other Turkic languages, as well as to Mongolian and Tunguso-Manchurian languages. Moscow: Izd-vo vost. lit., 1960.
7. Ubriatova EI. Studies on Turkic languages. Selected works. Novosibirsk: RITs NGU, 2011.
8. Shirobokova NN. O yakutsko-mongol'skikh kontaktakh. Peoples and languages of Siberia, 1980:140-148.
9. Antonov NK. O nekotorykh iakutskikh imennykh osnovakh mongol'skogo proiskhozhdeniia”. Trudy istoriko-filologicheskogo fakulteta (Yakutskii gosudarstvennyi universitet), 1966;1:207-214.
10. Antonov NK. Materials on the historical lexicon of the Yakut language. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 1971.
11. Antonov NK. Materials on the historical lexicon of the Yakut language], Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo, 1971.
12. Antonov NK. O sootvetstviyakh nachal'nykh i//s v yakutskikh i tyurkskikh imennykh osnovakh. Trudy IALI IaF SO AN SSSR, 1973;4(9):40-47.
13. Kaluzhinskiy S. Nekotorye voprosy mongol'skikh zaimstvovaniy v yakutskom yazyke. Trudy IALI IaF SO AN SSSR, 1961;3(8):5-21.
14. Kaluzhinskiy S. Etimologicheskie issledovaniia po yakutskomu yazyku. Dvuzlozhnye osnovy (IV). Rocznik orientalistyczny, 1979;XLI, Z.1:81-93.
15. Scherbak AM. Early Turkic-Mongolian language relations (VIII-XIV centuries). St. Petersburg: Izd-vo ILI RAN, 1997.
16. Scherbak AM. Turkic-Mongolian language contacts in the history of Mongolian languages. St. Petersburg: Nauka, 2005.
17. Rassadin VI. Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages. Moscow: Nauka, 1980.
18. Rassadin VI. Essays on the history of the Turkic-Mongol language community formation. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.
19. Rassadin VI. “Buryatisms in the Yakut language”, O. N. Betlingk and his work “About the Yakut language”: materials of the conference devoted to the 120th anniversary of the publication of O. N. Betlingk's work “About the Yakut language”. Yakutsk, Russia, 1973:167-179.
20. Levin GG. Historical relation of the Yakut language with Old Turkic languages of VII - IX centuries (in comparative aspect with Eastern Turkic and Mongolian languages). Yakutsk: NEFU Publishing House, 2013.

21. Vasilyev YI. – Dyiargystai. Yakut-Mongolian lexical parallels: dictionary. Yakutsk: Dani Almas, 2007.
22. Shamaeva AE. (2012) “Mongolian parallels of the dialect lexicon of the Yakut language”, Ph.D. Thesis, 10.02.02 Languages of the peoples of the Russian Federation (Yakut language), Institute for Humanitarian Research and Problems of Minority Peoples of the North Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.
23. Pekarskiy EK. Dictionary of the Yakut language. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959;2.
24. Okoneshnikov EI, Afanasyev LA – Teris, Afanasyev PS. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 2005;2.
25. Voronkin MS, Alekseev MP, Vasilyev YI. Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha = Sakha tülbe tylin tyld'yta [Dialectological Dictionary of the Sakha Language]. Novosibirsk: Nauka, 1995.
26. Sanzheev GD. Etymological Dictionary of Mongolian Languages. Moscow: IV RAN, 2016;2.
27. Shagdarov LD, Cheremisov KM. Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude: Resp. tip., 2006.
28. Kaluzhinskiy S. (1959) “Some issues of Mongolian borrowings in the Yakut language”, Trudy instituta yazyka, literatury i istorii = Tyl, literatura uonna istoriya institutun ulelelere, vol. 3 [8], 128, [2] p.
29. Solomonov NG. Zhivotnyi mir Yakutii: (ptitsy i mlekopitayushchie) [The animal world of Yakutia: (birds and mammals)], Yakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1975.
30. Afanasyev PS, Voronkin MS, Alekseev MP. Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language], Moscow: Nauka, 1976.
31. Slepstov PA. Bolshoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylin Byhaaryylaakh Ulakhan tyldyta [Big explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 2008;5.
32. Hauenschild I. Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen. Turcologica. Harrassowitz, Wiesbaden, 2008;77:188.
33. Kulakovskiy AE. (1979) Nauchnye trudy = Nauchnai uleler [Scientific works], Yakut. kn. izd-vo, Yakutsk, Russia.
34. Pekarskiy EK. Dictionary of the Yakut language. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959:1.
35. Sanzheev GD. Etymological dictionary of Mongolian languages. Moscow: IV RAN, 2015:1.
36. Popov GV. Etymological dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 2003.
37. Sanzheev GD. Etymological dictionary of Mongolian languages. Moscow: IV RAN, 2018:3.
38. Ivanov SA. Lexical peculiarities of the Yakut language govors. Novosibirsk: Nauka, 2017.
39. Nugteren H. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Netherlands: LOT, 2011:563.

ТУРАНТАЕВА Нина Васильевна – аспирант ИЗФиР, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: nv.turantaeva@s-vfu.ru

Nina V. TURANTAeva – Postgraduate Student of the Institute of Modern Languages and International Studies of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – к. филол. н., доцент, в. н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Ninel V. MALYSHEVA – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lead. Researcher, International Research Laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.